

I. Прочтите текст и выполните задание.

Борис Шергин.

Любовь сильнее смерти

У Студеного моря, в богатой Двинской земле, жили два друга юных, два брата названных, Кирик да Олеша. И была у них дружба милая и любовь заединая.

Столь крепко братья крестовые друг друга любили секли стрелою руку, кровь точили в землю и в море. Мать Сыру землю и Синее море призывали во свидетели. Кирик да Олеша — они одной водою умывались, одним полотенцем утирались, с одного блюда хлебы кушали, одну думу думали, один совет советали — очи в очи, уста в уста.

Отцы их по любви морскоюлодьёю владели и детям то же поведали. Кирик, старший, стал покрут обряжать, на промысел ходить, а Олеша прилежал корабельному строению.

Пришло время, и обоим пала на ум одна и та же дева Моряшка. И дева Моряшка с обоими играет, от обоих гостинцы берет. Перестали крестовые друг другу в очи глядеть.

В месяце феврале промышленники в море уходят, на звериные ловы. Срядился Кирик с покрутом, а сам думает: «Останется дома Олеша, его Моряшка опутает». Он говорит брату:

— Олешенька, у нас клятва положена друг друга слушати: сряжайся на промысел!

Олеша поперек слова не молвил, живо справился. **Якоря выкатили, паруса открыли...** Праматерь морская — попутная поветерь была до Кирика милостива. День да ночь — и Звериный остров в глазах. Круг острова лед. На льдинах тюленьиполежки. Соступились мужи-двиняне со зверем, учили бить.

Богато зверя упромыслили. Освежевали, стали сальноешкурье в гору волочить. **На море уж отемнело**, и снег пошел. А Олеша далеко от берега забежал. Со льдины на льдину прыдает; знай копьё звенит, головы зверины долу клонятся. Задор овладел. Старый кормщик и обеспокоился:

— Олеша далеко порато ушел. Море на часу вздохнет, вечерняя вода тороса от берега понесет...

Побежал по Олешу Кирик. Бежит по Олешу, ладит его окликать, да и вздумал в своей-то голове: «Олешу море возьмет, девка Моряшка моя будет». И снова крикнуть хочет и опять молчит: окаменила сердце женская любовь. И вот **ветер с горы ударил. Льдина** зашевелилась, заворотилась, **уладила шествовать в море**, час ее пробил.

И слышит Кирик вопль Олешин:

— Кирик, погибаю! Вспомни дружбу-то милую и любовь заединую!...

Дрогнул Кирик, прибежал в стан:

— Мужи-двиняне! Олеша в относ попал!

Выбежали мужики... **Просторно море... Только взводень рыдает...** Унесла Олешу вечерняя вода...

Того же лета женился Кирик. Моряшка в бабах как лодьясоловецкая под парусом: расписана, разрисована. А у мужа радость потерялась: Олешузажалел.

Заказал Кирик бабам править по братеплачную причеть, а все места не может прибрать.

В темную осеннюю ночь вышел Кирик на гору, на глядень морской, пал на песок, простонал. Ах, Олеша, Олешенька!...

И тотчас ему с моря голос Олешин донесло:

— Кирик! Вспомни дружбу-то милую и любовь заединую!

В тоске лютой, неутолимой прынул Кирик с вершины вниз, на острые камни, сам горько взопил:

— Мать земля, меня упокой!

И буде кто его на ноги поставил. **А земля провещилась:**

— Живи, сыне! Взыщи брата: вы клятву творили, кровь точили, меня, сыру-землю, зарудили!

По исходе зимы, вместе с птицами, облетела Поморье весть, что варяги-разбойники идут кораблем на Двину, а тулятся за льдиной, ожидают ухода поморов на промысел. Таков у них был собацкий обычай: нападать на деревню, когда дома одни жены и дети.

И по этим вестям двиняне медлили с промыслом. Идет разливная весна, а лодейки пустуют. Тогда отобралась дружина удалой молодежи.

— Не станем сидеть, как гнус в подполье! Варяги придут или нет, а время терять непригож!

Старики рассудили:

— Нам наших сынов, ушкуйных голов, не уговорить и не постановить. Пушай разгуляются. А мы, бородатые, здесь ополчимся навстречу незванным гостям.

Тогда невесты и матери припадают к Кирику с воплем.

— Господине, ты поведи молодых на звериные ловы! Тебе за обычай.

Кирик тому делу рад: сидячи на берегу, изнемог в тосках по Олеше. Жена на него зубами скрипит:

— Чужих ребят печалуешь, а о своем доме нету печали!

Мужская сряда не долгая. На рассвете кричала гагара, плакали женки. Дружина взошла на корабль. У каждого лук со стрелами, копьё и оскорд — булатный топор. Кирик благословил путь. **Отворили парусы**, и пособная поветерь, прамагерь морская, скорополучно направила путь.

Не доведя до Звериного острова, прабаба-поветерь заспорила с внуками — встречными ветерками. Зашумела волна. А молодая дружина доверчиво спит Кирик сам у руля. И была назавтра Олеше година.

Студеное море на волнах стоит, по крутому взводню корабль летит. И Кирик запел:

Гандвиг-отец,

Морская пучина

Возьми мою

Тоску и кручину

В том чаше покрыла волну черная тень варяжской лодьи. И варяги кричат из тумана:

— Куры фра? Куры фра?

Кирикструбил в корабельный рог грозно и жалобно. Дружина прянула на ноги. И тянут лук крепко, и стреляют метко. Поют стрелы, гремят долгомерные копыя. Кирик забыл тоску и печаль, отдал сердце в руки веселью. Зовет, величает дружину:

— Мужичи-двиняне! Не пустим варягов на Русь! Побьемся! Потешим сердца!...

Корабли сошлись борт о борт, и двиняне, как взводень морской, опрокинулись в варяжское судно. Песню радости поет Кириково сердце. Блестит булатный оскорд. Как добрый косец траву, косит Кирик вражеские головы...

Но при последнем издыхании варяжский воевода пустил Кирику в сердце стрелу...

Красное солнце идет к закату, варяжское трупье плывет к западу. Сколько двиняне празднуют о победе, о богатой добыче, — столько тужат о Кирике. Он лежит со смертной стрелою в груди, весел и тих. На вечерней воде стал прощаться с дружиной:

— Поспешайте на Русь, на Двину, с победною вестью. Оставьте меня и варяжское судно в благодарную жертву Студеному морю.

И дружина, затеплив по бортам жертвенной лодьи воскояровы свечи, с прощальной песней на своем корабле убежала на Русь.

В полночь вздохнуло море, затрепетало пламя свечей, послышался крик гусиный и голос Олешин:

— Здрав буди, Кирик, брате и господине!

Ликует Кирик о смертном видении:

— Олешенька, ты ли нарушил смертные оковы? Как восстал ты от вечного сна?...

Снова пронзительно вскричали гуси, затрепетали жертвенные огни, прозвенел Олешин голос:

— Я по тебя пришел. Сильнее смерти дружеская любовь.

Две тяжкие слезы выронил Кирик:

— Люто мне, люто! Я нарушил величество нашей любви!...

В третий раз гуси вскричали, как трубы огрели, колыхнуло пламя жертвенных свечей, и Кирик увидел крестового брата. Глядят очи в очи, устами к устам. И голос Олешин, что весенний ручей и свирель:

— Кирик! Подвигом ратным стерта твоя вина перед братом. Мы с тобой поплывем в светлый путь, в Гусиную белую Землю, где вкушают покой души добрых и храбрых. Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гуси беседовать с мертвыми. Там немолчно рокочут победы гусли, похваляя героев...

Завязалась праматерь морская — поветерь и взяла под крыло варяжский корабль, где Кирик навек позабыл печаль и тоску человеческую...

О былина, о песня, веселье поморское! Проходят века, а Двинская земля поет, поминает под гусли Олешу и Кирика.

Смерть не все возьмет — только свое возьмет.

Задание к тексту

1. Определите место и время, когда происходит действие. Свой ответ подтвердите примерами из текста.
2. Выпишите из текста глаголы, передающие переживания Кирика после утраты Олеша.
3. Подберите синонимы к выделенным словосочетаниям.
4. Определите жанр произведения. Ответ свой аргументируйте. Приведите примеры этого жанра в русской литературе.
5. Как Вы понимаете в контексте повествования Бориса Шергина слова «Смерть не все возьмет – только свое возьмет.» Ответ свой представьте в жанре сочинения –рассуждения.

II. Ниже приведен инвентарь языковых (словарных) единиц, которые используются в изречении В.Я. Брюсова о времени, с пометами о том, как они в нем употреблены. Восстановите изречение.

быть	пов 2	15
век	-	5;11;17
вперед	-	4
если	-	1; 6
идти	пов 2	3:9
мочь	н 2 ед	2;8
не	-	7:14
никогда	-	13
но	-	12
позади	-	16
с	-	10

III. Выделите черты, характерные для антиутопии, рассказывающей об обществе, в котором дружба, взаимовыручка и просто приятельская поддержка перестали быть ценностью. Свои соображения изложите в форме дневниковых записей писателя-фантаста.